

И. А. ГОБОЗОВ

КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ И ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Отличительной чертой нашей эпохи является то, что в общественном сознании доминируют пессимистические воззрения на общество и его развитие. Еще П. Сорокин в работе «Кризис нашего времени» писал: «Все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис... Больны плоть и дух западного общества, и едва ли на его теле найдется хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань... Мы как бы находимся между двумя эпохами: умирающей чувственной культурой нашего лучезарного вчера и грядущей идеациональной культурой создаваемого завтра. Мы живем, мыслим, действуем в конце сияющего чувственного дня, длившегося шесть веков... Свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам все труднее различать это величие и искать надежные ориентиры в наступающих сумерках. Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами»¹.

Эти строки П. Сорокин писал в конце 30-х годов. Под кризисом он тогда подразумевал кризис духовной культуры западного общества. Однако сегодня, в конце второго тысячелетия, мы наблюдаем не только духовный кризис западного общества, но и глобальный кризис, охвативший все сферы общественной жизни — экономическую, политическую, социальную и духовную.

Начнем с анализа экономической сферы. В отличие от прошлых веков сегодня налицо единое международное экономическое пространство. Все государства мира так или иначе сотрудничают в области производства материальных ценностей. Ни один народ сегодня не может ту или иную продукцию производить в одиночку, так как он должен использовать для этого соответствующие орудия производства, которые выпускаются другими государствами. Различного рода транснациональные корпорации и компании охватили, по существу, все континенты земного шара. Международное разделение труда приобрело невиданные масштабы. Все это

---

¹ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 427.

имеет, безусловно, позитивное значение. Но нельзя не обратить внимание на то, что «мондиализация» или глобализация современных экономических отношений имеет огромные негативные последствия. Так, экономически сильно развитые государства играют доминирующую роль в глобальном экономическом сотрудничестве. Они используют сырьевые ресурсы слаборазвитых стран, дают им под большие проценты кредиты (причем эти кредиты часто используются в политических целях), которые не всегда применяются по назначению. Это приводит к тому, что растет долг слаборазвитых государств. Они не в состоянии развивать национальную экономику, поднимать жизненный уровень своего народа. Миллионы людей не удовлетворяют своих элементарных потребностей, сотни тысяч умирают от голода. Американский исследователь Д. Белл пишет, что «среди бедных стран Африка является единственным континентом, население которого в конце 80-х годов жило хуже, чем в конце 70-х, а в конце 90-х будет жить хуже, чем в конце 80-х»². Отсюда неизбежные противоречия между слаборазвитыми и развитыми государствами.

Но сами развитые государства тоже переживают время от времени экономические кризисы, о чем свидетельствуют многие факты из современной жизни. Десятки миллионов граждан этих государств не удовлетворяют общественно необходимые потребности, то есть потребности, которые порождены современным уровнем производства. Растет число безработных. Миллионы людей оказались в маргиналах. Они фактически исключены из жизни общества. В самом незавидном положении находится молодежь — будущее любого общества. Растет неуверенность в завтрашнем дне. Увеличивается число нервных заболеваний, нередко приводящих к суицидам.

Наблюдается кризис и в социальной сфере. Много пишут о том, что якобы в современных развитых странах роль стабилизирующего фактора играет средний класс. Причем главным критерием отнесения того или иного индивида к такому классу объявляется уровень доходов. Но этот показатель не может быть главным критерием по той простой причине, что он не учитывает сложившиеся стандарты жизни, традиции, обычаи, профессию и т. д. Возьмем, например, профессора и мелкого служащего, имеющих одинаковые доходы. Можно ли на этом

---

² Bell D. L'Afrique au-deia de l'an 2000. Revue Commentaire. Numero 69/Printemps, 1995. P. 5.

оснований отнести их к одному и тому же среднему классу? Нет, конечно. Дело в том, что профессор, кроме удовлетворения материальных потребностей, должен, по определению, удовлетворять и свои духовные потребности. Поэтому ему требуется более высокий уровень доходов, чем мелкому служащему. Не следует забывать, что потребности людей постоянно растут. А уровень доходов нередко остается одним и тем же. Следовательно, меняется положение представителей среднего класса. Конечно, в целом в развитых странах жизненный уровень улучшается, но тем не менее факты свидетельствуют о том, что миллионы людей вынуждены влачить жалкое существование. «Если рабочий и босс, — пишет Маркузе, — наслаждаются одной и той же телепрограммой и посещают одни и те же курорты, если машинистка не менее эффектна, чем дочь ее начальника, если негр владеет «Кадилаком» и все они читают одни и те же газеты, то это уподобление указывает не на исчезновение классов, но на то, насколько основное население усваивает потребности и способы их удовлетворения, служащие сохранению истэблишмента»³. Продолжается эксплуатация человека человеком. Одни все больше и больше богатеют, а другие все больше и больше беднеют.

Современное общество не избавилось от тех негативных черт, о которых писали еще Маркс и Дюркгейм. Я имею в виду социальное отчуждение и аномию. Напротив, люди все больше и больше отчуждаются друг от друга. Индивидуализм и эгоизм, особенно среди молодежи, нередко доминируют в социальных отношениях. Проституция, наркомания, СПИД и другие пороки овладели миллионами людей. Современная цивилизация никому не ним уверенности в том, что он будет себя чувствовать комфортно или, по крайней мере, более или менее удобно и ругу себе подобных. У людей все чаще и чаще проявляется аномия, то есть безразличие, апатия, неуважение существующих ценностей и т. д.

К социальной сфере относятся и межэтнические отношения. Казалось бы, в современную эпоху, когда мировая цивилизация достигла огромных успехов, когда сформировалось единое политическое и историческое пространство, а также планетарное мышление, всякого рода национальные конфликты должны были уйти в прошлое. Но этого не случилось. Напротив, межэтнические противоречия во многих странах нередко приводят к военным действиям. Такое положение наблюдается не

---

³ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 11.

только на территории бывшего СССР, но и в других регионах мира, и том числе в развитых странах. Это говорит о том, что причины межэтнических конфликтов следует искать не только в экономических, но и в других явлениях, в частности в стремлении иметь самостоятельное государственное образование. В этой связи нельзя не вспомнить Гегеля, писавшего, что «народ как государство есть дух в своей субстанциальной разумности и непосредственной действительности, поэтому он есть абсолютная власть на земле; следовательно, каждое государство обладает суверенной самостоятельностью по отношению к другому»⁴. Народ без государственного образования не есть политический народ. Поэтому народу очень важно иметь свое собственное политическое образование. Именно в его рамках он может самостоятельно развивать свою культуру, свои традиции и обычаи, вести международные дела, короче, быть суверенным политическим субъектом.

Переживает острейший кризис и политическая сфера общественной жизни. Прежде всего следует подчеркнуть, что демократические формы правления, которые вот уже несколько веков играли доминирующую роль в политической жизни буржуазного общества и которые, несомненно, способствовали раскрепощению человека, проявлению его инициативы и воли, укрепляли формы и принципы правовых взаимоотношений людей, личности и общества, личности и государства, сегодня уже не отвечают требованиям времени. Конечно, они никогда не считались идеальными, но в современную эпоху настолько деформированы и настолько уже не отвечают новым реалиям, что люди к ним относятся с недоверием. Так, выборы в различные органы государства превратились фактически в фарс, в шоу. Используемые средствами массовой информации, особенно телевидением, избирательные технологии фактически лишают граждан возможности выбирать среди кандидатов на высшие государственные должности. Они не выбирают, а голосуют. Политики, как правило, преследуют свои личные, корыстные интересы, а не интересы государства и общества. Деньги, обман, коррупция, отчуждение граждан от власти — вот далеко не полный перечень негативных черт современной демократии.

Возьмем теперь духовную сферу. Здесь глобальный кризис проявляется так же глубоко, как в других сферах. На первый взгляд, такое утверждение может показаться парадоксальным. Действительно, человечество на современном этапе своего

---

⁴ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 365.

развития достигло огромных успехов. По сравнению с предыдущими эпохами, миллиарды людей стали грамотными. Они успешно используют достижения современной научно-технической революции как в общественной, так и в частной жизни. Радио, телевидение, видеотехника, компьютеры, калькуляторы и т. д. дают возможность человеку обогащать свой субъективный мир, осваивать все новые и новые пласты культуры.

Однако в конце второго тысячелетия сложилась трагическая ситуация. Дело в том, что глобальный кризис человечества сопровождается **деинтеллектуализацией** общества. Никогда человечество не имело таких возможностей для обогащения духовного мира индивидов. Но никогда общий интеллектуальный уровень людей не падал так низко, как в настоящее время. Люди, особенно молодежь, не желают заниматься интенсивной умственной работой. Многие школьники не знают таблицу умножения и ничего плохого не видят в этом. Если нужно что-то посчитать, они достают из кармана калькулятор, чтобы совершить элементарные арифметические подсчеты. Крайне редко стали обращаться к классикам мировой литературы. Прежние духовные ценности либо уничтожаются, либо игнорируются. Добродетельный человек, которым гордились и которого ценили высоко, считается неудачником. Теперь главное не моральные принципы и нормы, а полезность. Человек человеку нужен постольку, поскольку он полезен в данных конкретных обстоятельствах. В школах главное внимание обращается не на духовное обогащение, а на полезность. Полезны, например, знания в области секса, поэтому вводится курс сексологии. Взаимоотношения разных полов сводятся только к чисто сексуальным отношениям. Любовь как возвышенное чувство уступает место удовлетворению животных инстинктов. Насильственно стираются различия между мужчиной и женщиной. Обоим полам навязываются одинаковые правила поведения: агрессивность, отказ от чувства стыда как комплекса «неполноценности», утверждается биологическое равенство, хотя известно, что такое равенство немислимо. Под видом соблюдения прав человека проповедуется гомосексуализм, противоречащий законам природы. Рушатся семейные нормы и принципы.

Средства массовой информации (СМИ) главную свою задачу видят не в формировании духовно богатых и высоко нравственных людей, а в том, чтобы развлекать их, особенно молодежь, прививать им псевдоценности. Главное для СМИ — полезность, доходность, стремление к обогащению. Журналисты

готовы обслуживать любого, имеющего солидные финансовые возможности.

Средства массовой информации, вместо того чтобы способствовать интеллектуализации общества, деинтеллектуализируют его. Они породили такую страшную болезнь, как *социальный идиотизм*. Обычно под идиотизмом подразумевают врожденное слабоумие. Его изучением занимается психология. Но под социальным идиотизмом следует подразумевать общество, когда оно не может адекватно отражать окружающую социальную действительность.

Социальный идиотизм близок к иррационализму, но не тождествен ему. Дело в том, что иррационализм связан с бессознательными действиями человека, с чувственной формой познания. Особенно в этом преуспевает телевидение. Телевизор, представляющий собой «идиотский ящик», из любого нормального человека может сделать идиота. Вообразим себе такую картину: всегда с вами находится человек (ведущий телепередачу), которого вы, быть может, в жизни никогда не видели. Но он вам близок, потому что всегда находится с вами. Он вам не дает думать, да вам в этом и нет необходимости. Он за вас все делает, а вы должны слушать и смотреть на него. Вы представляете ситуацию в обществе, вы знаете, что стоимость жизни растет, а он вам говорит, что это временные трудности, что рейтинг руководителей постоянно повышается. А вы этому верите и не можете не верить, потому что другие мнения до вас не допускаются. Таким образом, ведущий из вас делает идиота, но вы готовы слушать его и наслаждаться его телодвижениями.

Таким образом, как уже отмечалось, СМИ и, прежде всего, телевидение, способствуют падению интеллектуального уровня общества, распространению аморальных явлений и фактов (нередко на телеэкране «главными героями» выступают насильники, наркоманы, вообще преступники). Великое достижение человечества — компьютерная техника — используется для «удовлетворения» сексуальных потребностей. Вместо подлинной реальности, наполненной живыми людьми со своими проблемами и чувствами, появилась виртуальная реальность. Жесты, мимика, выражение лица, обычное человеческое общение заменяются голым человеческим общением. Люди не нужны друг другу. Технотронная эра **дегуманизирует** общество.

Глубокий кризис переживают гуманитарные науки. Это особенно касается философии. Ведь философия возникла в античную эпоху, когда человек задался вопросом: кто он и что

собой представляет окружающая природная и социальная действительность. Платон писал, что начало философии есть удивление. А Аристотель подчеркивал: «Ибо и теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать, причем вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу продвигаясь таким образом далее, они задавались вопросом о более значительном, например о смене положения Луны, Солнца и звезд, а также о происхождении Вселенной. Но недоумевающий и удивляющийся считает себя незнающим (поэтому и тот, кто любит мифы, есть в некотором смысле философ, ибо миф создается на основе удивительного). Если, таким образом, начали философствовать, чтобы избавиться от незнания, то, очевидно, к знанию стали стремиться ради понимания, а не ради какой-нибудь пользы»⁵.

С момента своего возникновения философия играла решающую роль в формировании мировоззрения людей. Она боролась за свое место в духовной жизни. Ей пришлось очень тяжело, когда в Средние века теология подчинила ее себе. В Новое время философия вырвалась из оков христианства и снова заняла важное место в обществе. Причем рационалистическая философия оттеснила на обочину остальные философские направления и течения. Это было связано с бурным развитием буржуазного способа производства, предполагающего исключительно рациональный подход к общественной жизни⁶. Рационалистическая философия помогала людям правильно ориентироваться в сложной сети общественной жизни, находить пути выхода из тупиковых ситуаций. Она попрежнему выполняла важные мировоззренческие функции.

Но со второй половины прошлого века началась атака против философии рационализма. Первенство здесь принадлежит Ницше, о котором Н. К. Михайловский писал, что ему «претит все, в чем он усматривает преобладание «разумности»...»⁷. Вот что пишет Ницше о своем соотечественнике и великом рационалисте Гегеле: «Я думаю, что в истории немецкой образованности за последнее столетие мы не найдем ни одного опасного колебания или уклонения, которое не стало еще опаснее

---

⁵ Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 69.

⁶ Макс Вебер писал, что «без рациональной капиталистической организации труда все особенности капитализма, в том числе тенденция к коммерциализации, и в отдаленной степени не получили бы того значения, которое они обрели впоследствии (если они вообще были бы возможны)» // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 52.

⁷ Михайловский Н. К. Литературная критика и воспоминания. М., 1995. С. 390.

благодаря громадному и продолжающемуся до настоящей минуты влиянию этой философии, именно гегелевской. Поистине парализует и удручает вера в то, что ты последыш времен, но ужасной и разрушительной представляется эта вера, когда в один прекрасный день она путем дерзкого поворота мыслей начинает обоготворять этого последыша как истинную цель и смысл всего предшествовавшего развития, а в ученом убожестве его видит завершение всемирной истории. Такой способ мышления приучил немцев говорить о «мировом процессе» и оправдывать свою эпоху как необходимый результат всемирного процесса; эта точка зрения поставила историю на место других духовных сил, искусства и религии как единственную верховную силу, поскольку она является «реализующим самое себя понятием», «диалектикой духа народов» и «мировым судом»⁸. Ницше-иррационалист — яркий представитель начавшегося упадка буржуазного общества.

Более шестидесяти лет назад на усиление иррационализма обратил внимание К. Манхейм. В связи с этим он выдвинул три тезиса. Суть **первого** тезиса заключается в том, что «современное общественное устройство ждет крушение, если рациональное самообладание всех людей и отдельных индивидов не будет идти в ногу с техническим развитием»⁹. К. Манхейм пишет, что возникла диспропорциональность в развитии человеческих сил. С одной стороны, наблюдается развитие науки и техники, а с другой — моральное совершенствование общества не успевает за этим развитием. Отсюда следует **второй** тезис: «рост рациональности, формирование инстинктов и моральности являются в общественном развитии не чем-то случайным и отнюдь не в первую очередь делом отдельных индивидов, а зависят от данной общественной структуры задач»¹⁰. Одни индивиды, социальные группы оказываются в более привилегированном положении, чем другие, что не может не сказываться негативно на всем развитии общества. **Третий** тезис связан с тем, «что все предшествующие общества могли допускать диспропорциональность в распределении рациональности и моральных сил, так как они основывались именно на этой социальной диспропорциональности рациональных и моральных элементов... Новое в современном обществе состоит,

---

⁸ Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 209—210.

⁹ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 287.

¹⁰ Там же. С. 287.

по моему мнению, в том, что оно длительно не может выносить обе упомянутые формы диспропорциональности: ни общий недостаток рациональности и моральности в духовном господстве над общим процессом, ни их неравномерное социальное распределение»¹¹. К. Манхейм выражал обеспокоенность таким положением дел.

В современную эпоху ситуация еще больше ухудшилась. Со всех сторон идут атаки на классический рационализм, на возможности Разума познать объективную действительность. И здесь особая «заслуга» принадлежит постструктуралистским и постмодернистским течениям. Ж. Деррида, на которую сильное влияние оказали идеи Ницше, Фрейда, Гуссерля, Хайдеггера и др. философов¹², Ж. Ф. Лиотар, Ж. Делсз, Ф. Гвагари, М. Серр, Р. Рорти и многие другие все превратили в «пост», то есть в «после»: постфилософия, постнаука, постискусство, постлитература, постистория и т. д. и т. п.¹³

Постмодернизм как разношерстное течение в гуманитарных науках возникает во Франции в начале 70-х годов двадцатого столетия. Причины появления постмодернизма заключаются в глобальном кризисе современного общества, о котором мы уже выше писали. Но постмодернисты во всех кризисных явлениях обвиняют классический рационализм. Они, например, утверждают, что XX век — это век непрерывных войн, унесших миллионы человеческих жизней. М. Серр, например, анализируя причины того, почему он крайне негативно относится к эпохе модерна, охватывающей около трех столетий (середина XVII - середина XX вв.), пишет, что его поколение, родившееся в начале тридцатых годов, можно назвать поколением войны: «В шесть лет узнал о войне в Испании, в девять лет о Blitzkrieg 1939 года, о поражении и крахе; в двенадцать лет о разрыве между сторонниками Сопротивления и коллаборационистами; в четырнадцать об Освобождении и сведении счетов, которые вызвало это Освобождение во Франции; в пятнадцать лет о Хиросиме. Короче, с девяти до семнадцати лет, когда формируются дух и тело человека, свирепствует голод и везде карточная система, везде убийства и бомбардировки, везде

---

¹¹ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 288.

¹² См.: Силичев Д. А. Постмодернизм: экономика, политика, культура. М., 1998.

¹³ У нас многие увлеклись постмодернистскими течениями, что неудивительно: «прежние идеи выматываются новыми, потому что последние не вырастают из первых, а появляются у нас откуда-то извне» (Чаадаев); у нас «гонятся всегда за самым крайним, что дает Запад» (Маркс).

тысячи преступлении... война, всегда война, с шести до двадцати шести лет»¹⁴.

В двадцатом веке появляется ядерное оружие, угрожающее самому существованию человеческого общества. И все это якобы является результатом рационального отношения к жизни, научной революции и прогрессистских концепций общественного развития, доминировавших в эпоху Просвещения. Вообще просветители для постмодернистов, как и для Ницше¹⁵, являются противниками № 1. Их обвиняют во всех современных бедствиях; их обвиняют в оптимистическом взгляде на развитие исторического процесса, в вере в бесконечный прогресс общества, в свободу и равенство, принцип историцизма, в науку, в необходимость изменения существующих порядков, в чрезмерной эксплуатации природных ресурсов и т. д. и т. п. Их обвиняют, потому что они были *рационалистами*.

Постмодернисты совершили «радикальный разрыв с Просвещением, с верой в бесконечный прогресс, который пропагандировал Кондорсе»¹⁶. Один из виднейших американских постмодернистов Р. Рорти прямо заявляет в своей книге «Философия и Зеркало Природы»: «Эта книга представляет собой обзор развития последних философских исследований, особенно в области аналитической философии, с точки зрения антикартезианской и антикантианской революции... Цель книги заключается в том, чтобы подорвать доверие читателя к «уму» как к чему-то такому, по поводу чего нужно иметь «философский» взгляд, к «познанию» как к чему-то такому, о чем должна быть «теория» и что имеет «основания», а также к «фи- юсофии», как она воспринималась со времен Канта»¹⁷. Рорти считает, что рационалистическая философия заменила интеллектуалам

---

¹⁴ Serres M. Eclaircissements. Paris, 1992. P. 10—11.

¹⁵ Вот какую уничижительную критику Руссо дает Ницше: «Руссо, этот первый современный человек, идеалист и сапaille (негодяй) в одном лице, которому нужно было моральное «достоинство», чтобы выносить собственный вид; больной от разнузданного тщеславия и разнузданного самопрозрения. Также и этот выродок, растянувшийся у порога нового времени, хотел «возвращения к природе» — куда, спрашиваю еще раз, хотел Руссо назад? Я ненавижу Руссо и в революции: она есть всемирно-историческое выражение для этой двойственности и идеалиста и сапaille. Кровавый фарс, которым разыгралась эта революция, ее «нимморальность», мало меня трогает: я ненавижу ее моральность в духе Руссо — так называемые «истины» революции, которые еще не утратили влияния и привлекают к ней все плоское и посредственное» (Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 622).

¹⁶ Dosse F. Histoire du structuralisme. I. Le champ du signe, 1945—1966. Paris, 1992. P. 412.

¹⁷ Рорти Р. Философия и Зеркало Природы. Новосибирск, 1997. С. 5.

религию, то есть своего рода веру в философские высказывания и умозаключения.

Характерные черты постмодернизма: *гиперкультурализм* — ревалоризация исторического (историцизм) и культурного (традиционализм) богатства и многообразия человечества, в котором постсовременный человек черпает и которое создает по своему усмотрению. В этом смысле модернизм есть только одна из традиций среди других. Постмодернизм имеет эклектический релятивистский характер. Это смесь различных философских течений и мыслей. *Отказ от иерархического характера различий*: все мифы, все истории, все культуры, все формы жизни имеют собственную ценность, и поэтому нет иерархизированных ценностей. Критика всякой власти, поскольку она якобы всегда имеет репрессивный характер. Постмодернизм имеет толерантный и скептический характер. *Отказ от «важных вех»* обоснования западной цивилизации. Постмодернизм отвергает иудео-христианскую историю, философию Гегеля, позитивизм, теорию общественного прогресса просветителей восемнадцатого века, социализм, марксистскую теорию, эволюционистские концепции, которые якобы претендовали на то, чтобы привести человечество к светлому будущему¹⁸.

Постмодернисты отвергают деление мировой истории на прошлое, настоящее и будущее. Это связано в основном с тем, что они отрицают какой-либо прогресс в движении человеческого общества. Как выразился Ф. Досс, с точки зрения постмодернистов, настоящее мыслится без развития. Настоящее представляется не как антиципация будущего, а как повторение одного и того же цикла. М. Серр задается вопросом: что такое настоящее? Против тезиса о делении времени на прошлое, настоящее и будущее он выдвигает такой аргумент. Всякий предмет, сделанный руками человека, представляет собой комплекс многих идей, возникших в разное время. Возьмем современную модель автомобиля. Этот автомобиль есть продукт научно-технических идей различных эпох. Одна из его частей была изобретена в начале двадцатого века, другая двести лет назад, колеса были изобретены в эпоху неолита и т. д.¹⁹ То же самое, отмечает Серр, касается и духовных ценностей. Нельзя, например, сказать, что Платон не является нашим современником: ведь многие философские идеи Платона актуальны и в нашем обществе. М. Серр прав в том, что любое изобретение имеет, так сказать, различные истоки, что

---

¹⁸ Hottois G. De la Renaissance a la Postmodemité. Paris, Bruxelles, 1998. P. 445-446.

¹⁹ Serres M. Eclaircissements. Paris, 1992. P. 72.

свидетельствует о единстве человеческого общества. Но следует ли отсюда презентификация или, если можно так выразиться, «онастояшивание» всего человечества? Нет, конечно. Такое «онастояшивание» приводит к тому, что исторический процесс представляется как сплошной хаотический поток событий, фактов, технических изобретений, духовных ценностей и т. д., лишенный всякой имманентной логики. На самом деле история имеет свою логику развития, свое прошлое, настоящее и будущее, которые качественно отличаются друг от друга, но вместе с тем неразрывно связаны. Развитие истории носит континуистский, а не спорадический характер.

Постмодернисты предпочитают излагать свои мысли с помощью аналогии, а не строгих логических рассуждений. И порою непонятно, о чем идет речь, порою кажется, что это сплошной поток слов без логической оформленности. Вот пример из книги Ж. Делёза «Различие и повторение»: «Мысль, рождающаяся в мышлении, акт мышления, зарождающийся в генитальности не как врожденная данность и не как предполагаемое в припоминании, — это мышление без образа»²⁰. Это не только в русском переводе так звучат постмодернистские изречения. То же самое касается языка оригинала. И не случайно даже не все философы читают их труды.

Один из крупнейших представителей постмодернизма Ж. Ф. Лиотар пишет, что слово «постмодерн» «обозначает состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в конце XIX века»²¹. По мере перехода, пишет Лиотар, общества в постиндустриальное состояние меняется статус звания. Поскольку научное знание представляется как вид дискурса, в постиндустриальном обществе формы передачи научных знаний через языковые средства изменяются. Так, с помощью компьютерной техники можно передавать различную научную информацию. Но отсюда следует, что меняется природа знания. Знания в постиндустриальную эпоху производятся не для того, чтобы их отправить в архив, а для того, чтобы продавать Знания — это деньги. Причем этими знаниями распоряжается не государство, а частные лица.

В постиндустриальном обществе, продолжает Лиотар, меняется роль обладателей знаний. Если в индустриальном

---

²⁰ Делёз Ж. Различие и повторение. М.; СПб., 1998. С. 208.

²¹ Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 9.

обществе все политические, экономические, социальные и иные проблемы решались власть имущими и собственниками, то в постиндустриальном обществе доминирующую роль играют уже специалисты. «Правящий класс есть и будет классом, который принимает решения. Но он уже образуется не традиционным политическим классом, а разнородным слоем, сформированным из руководителей предприятий, крупных функционеров, руководителей больших профессиональных организаций, профсоюзов, политических партий и религиозных конфессий»²². Нет сомнения в том, что Лиотар анализирует новые реалии, возникшие в современных развитых капиталистических странах. Действительно, современные информационные технологии, имеющие исключительно большое значение не только для экономической сферы, но и для всех сфер общественной жизни, создаются специалистами. И те государства, которые будут иметь в своем распоряжении таких высококласных специалистов, будут добиваться наибольших успехов. Скажу больше, от наличия информационного пространства, включающего в себя не только технику и новейшие технологии, но и средства массовой коммуникации, во многом будет зависеть будущее тех или иных государств. На примере слаборазвитых стран мы видим, что значит отсутствие такого информационного пространства. Но отсюда нужно делать не тот вывод, к которому пришли постмодернисты, переход властных функций от политиков и собственником к специалистам. Надо заметить, что об этом многие писали до постмодернистов. Достаточно для этого ознакомиться с работами крупного американского экономиста Дж. Гэлбрейта. В отличие от постмодернистов я прихожу к другому выводу: **сферы общественной жизни структурно варианты, но функционально инвариантны**. Скажем, в политике не советники как специалисты принимают решения, а политики, наделенные властными функциями.

Постмодернисты отвергают понятия классической философии — *разум, абсолют, истина, прогресс, противоречия, дискуссия* и т. д. Они предлагают, скажем, урегулирование тех или иных конфликтов путем переговоров, консенсуса. Они выступают за толерантность и взаимное уважение. Здесь с ними нельзя не согласиться. Толерантность — это хорошо, консенсус — тоже хорошо, отсутствие конфликтов еще лучше. Но общество гораздо сложнее, чем это кажется постмодернистам. В нем действуют люди, преследующие свои цели. Эти цели не всегда совпадают,

---

²² Там же. С. 43.

более того, они нередко противоречат друг другу. Вообще противоречия — естественное состояние любого общества. Очень важно, чтобы они разрешались путем консенсуса и компромисса. Но для этого конфликтующие стороны должны идти на определенные уступки. Поэтому нужно призывать не просто к толерантности, а к тому, чтобы создавать такие условия, в которых все члены общества, а не только богатые, могли бы проявлять свои физические и духовные потенции.

Постмодернисты отрицают классические средства исторического познания. Прежде всего они отвергают объективный характер исторического прошлого, представляют его как искусственную конструкцию с помощью языка. «...Постмодернистская парадигма, которая прежде всего захватила господствующие позиции в современном литературоведении, распространив свое влияние на все сферы гуманитарного знания, поставила под сомнение «священных коров» историографии: 1) само понятие об исторической реальности, а с ним и собственную идентичность историка, его профессиональный суверенитет (стерев казавшуюся нерушимой грань между историей и литературой); 2) критерии достоверности источника (размыв границы между фактом и вымыслом) и, наконец, 3) веру в возможности исторического познания и стремление к объективной истине...»²³ Эти «священные коровы» являются ничем иным, как фундаментальными методологическими принципами исторического познания.

Постмодернисты понимают трудности социального, и том числе исторического познания, связанные прежде всего с самим объектом познания, т. е. с обществом, являющимся продуктом взаимодействия людей, наделенных сознанием и действующих сознательно. В социально-историческом познании наиболее рельефно проявляются мировоззренческие позиции исследователей, изучающих деятельность людей, имеющих собственные интересы, цели и намерения. Волей-неволей обществоведы, особенно историки, привносят в исследования свои симпатии и антипатии, что в какой-то степени искажает реальную социальную картину. Но нельзя на этом основании все гуманитарные науки превратить в дискурс, в словесную эквилибристику, в лингвистические схемы, не имеющие ничего общего с социальной реальностью. «Текст историка, — утверждают постмодернисты, — это повествовательный дискурс, нарратив, подчиняющийся тем же правилам риторики, которые

---

²³ Репина Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Ж. Одиссей. 1996. С. 26.

обнаруживаются в художественной литературе... Но если писатель или поэт свободно играет смыслами, прибегает к художественным коллажам, позволяет себе произвольно сближать и смещать разные эпохи и тексты, то историк работает с историческим источником, и его построения никак не могут полностью отвлечься от некоторой данности, не выдуманной им, но обязывающей его предложить по возможности точную и глубокую ее интерпретацию»²⁴. Сегодня, утверждает Серр, нельзя употреблять понятия «ложь» или «истина». Сегодня нужно говорить: это уже прошло, это уже устарело. Беллетристика ничем не отличается от исторических исследований. Серр категорически отвергает само деление — «беллетристика» и «наука». Он обвинил просветителей в том, что они якобы все, что соответствовало научным данным, объявляли иррациональным. «Выступая против деления «беллетристика и наука», продолжаю читать одновременно Плутарха и физиков...»²⁵

Но Серр бьет мимо цели. Никто не запрещает читать ни Плутарха, ни Дюма, ни Гюго, ни Пушкина, ни Толстого, изобразивших в своих произведениях исторические персонажи и исторические факты. Напротив, выдающиеся художники слова обогащают наши исторические знания, помогают нам глубже проникнуть в сущность исследуемой эпохи, чтобы составить более или менее верную картину исторической действительности. Если мы изучаем деятельность Александра Македонского, то, конечно, должны прочесть замечательную биографию Александра, написанную Плутархом. Кстати, Плутарх может быть использован как исторический источник, поскольку он приводит много исторических фактов, которые не всегда можно найти в других источниках. Но Плутарх жил в начале нашей эры, когда еще историческая наука не располагала современными средствами познания и исследования исторического прошлого. Берем более близкие нам исторические события. Возьмем, например, роман Л. Н. Толстого «Война и мир». Толстой как художник изображает порою исторические персонажи через призму собственного видения и собственного отношения к этим персонажам. Для этого он использует вымысел, без чего невозможно ни одно художественное произведение. Разумеется, те высказывания, которые Толстой приписывает, скажем, Наполеону I или Александру I, являются плодом творчества писателя, а не историческими источниками. И вообще, надо

---

24 Гуревич А. Я. Историк конца XX века в поисках метода // Ж Одиссей. 1996. С. 7.

25 Serres M. Eclaircissements. Paris, 1992. P. 79.

сказать, что нельзя изучать Бородинскую битву с помощью даже такого великого произведения, как «Война и мир» Толстого. И не надо упрекать, как это делает известный русский критик П. А. Вяземский, величайшего романиста в том, что он исказил историческую картину. «Книга «Война и мир», — пишет П. А. Вяземский, — за исключением романической части, не подлежащей ныне моему разбору, есть, по крайнему разумению моему, протест против 1812 года, есть апелляция на мнение, установившееся о нем в народной памяти и по изустным преданиям, и на авторитет русских историков этой эпохи»²⁶. Если на «Войну и мир» смотреть как на исторический труд, то П. А. Вяземский прав. Но на самом деле он не прав, потому что, как известно, «Война и мир» есть не исторический труд, а замечательное художественное произведение, посвященное интереснейшим событиям первой половины XIX века, хотя по логике постмодернистов, и «Война и мир», и другие художественные произведения, изображающие Бородинское сражение, представляют собой такие же исторические труды, как, например, исторические исследования Соловьева или Ключевского.

Постмодернизм есть зеркальное отражение кризиса современного общества. Он, выражаясь словами Гегеля, тождествен со своей эпохой. Его приверженцы подметили колоссальные изменения в современном мире, с чем нельзя не согласиться. Правы они в том, что описание этих изменений требует применения новых методов и средств познания. Но никак нельзя на этом основании, как это делают постмодернисты, отвергать старые испытанные методы научного анализа. Не выдерживает критики их оценка деятельности просветителей. Нельзя согласиться с отрицанием мировоззренческих функций философии. Вообще, если философия перестает играть какую-либо **мировоззренческую роль**, если она не способствует формированию культуры мышления, не помогает духовному обогащению человека, то она теряет всякое значение и нет никакого смысла тратить время на ее освоение. И, конечно, абсолютно неприемлемо нигилистическое отношение постмодернистов к философии рационализма. Именно в преодолении кризиса современного общества **исключительная роль принадлежит рационализму**. Иррационализм, связанный с эмоциями, чувствами и безрассудным поведением, может обострять, а не разрешать социальные конфликты и

---

²⁶ Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 265.

межгосударственные противоречия. На базе иррационализма не решить глобальных проблем современности — проблем войны и мира, здравоохранения, экологии и т. д.

Появление Homo sapiens — величайший скачок в эволюции природы. Возникновение рационалистической философии — гигантский шаг в развитии философии. Рационалистическая философия — философия Платона, Аристотеля, Декарта, Спинозы, просветителей XVIII века, Кайта, Гегеля, Маркса — есть величайшая культурная ценность. Не философия рационализма виновата в том, что мы переживаем глубочайший кризис, а то общество, в котором мы живем. Поэтому задача нынешних философов заключается в том, чтобы защитить эту философию, исследовать современные реалии средствами этой философии и указать пути преодоления кризиса и перехода к качественно новому обществу.

Постмодернисты выступают с позиции нигилизма и релятивизма. Они критикуют почти все фундаментальные положения классической философии, начиная от гносеологических и кончая онтологическими проблемами. Действительно, без критического анализа предшествующих философских течений и философских методов исследования нельзя решать возникшие проблемы. *Повторяю еще раз: без постоянного обновления логического аппарата, философских категорий, без преодоления устаревших философских положений нельзя двигаться вперед, нельзя развивать философию.* Но критика критике рознь. **Абсолютное отрицание, кроме вреда, ничего не дает для приращения философских знаний.** Постмодернистские словесные упражнения, игра в слова, переворачивание исторической действительности под видом ее новой интерпретации тянут философию не вперед, а назад. Поэтому постмодернистская философия — это философия, зовущая в никуда, она видит тупиковую ситуацию, критикует ее, но не предлагает выхода из нее. Вот почему, на мой взгляд, эта философия не продуктивна, не эффективна и не имеет перспектив, хотя она в настоящее время в моде, но не все, что модно, перспективно. Впрочем, эта мода на постмодернизм уже проходит.